

Эволюция «российского фактора» во внешней политике Японии в Центральной Азии

Н. Ю. Мурашкин

Гриффитский институт Азии, университет Гриффита,
Австралия, Брисбен, Натан QLD 4111, Кессельс роуд, 170

Для цитирования: *Мурашкин Н. Ю.* Эволюция «российского фактора» во внешней политике Японии в Центральной Азии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 362–375. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.403>

Статья посвящена анализу различных вех развития внешнеполитического курса Японии в постсоветской Центральной Азии с учетом российского фактора, в частности роли России в общей дипломатической стратегии Токио. Она ставит своей целью заполнить существующие пробелы в понимании движущих сил, сформировавших этот курс, и отразить такие нюансы, как изменение дипломатических приоритетов Японии применительно к центральноазиатскому региону во внешнеполитических кругах страны. В статье выдвигается тезис об ошибочности сведения японской дипломатии в Центральной Азии к сугубо или преимущественно проведению внешнеполитических интересов США и ее трактования как балансирования российского влияния в Центральной Азии в рамках «игры с нулевой суммой». По мнению автора, такое балансирование сводилось к отдельным, пусть и заметным, эпизодам внешней политики Токио в регионе, которые более корректно охарактеризовать в терминах неоклассического реализма — как чрезмерное или излишнее балансирование. Узкое толкование токийской дипломатии Шелкового пути как балансирования влияния РФ также не отражает изменений, которые эта дипломатия претерпела за два с лишним десятилетия своего существования — например, постепенной смены позиции Токио в сторону увеличения сотрудничества и снижения соперничества с Москвой, — и причин таковых изменений. Также в статье исследуются вехи развития внешнеполитического курса Токио в Центральной Азии с учетом российского фактора при опоре на ранее не упоминавшиеся в российском научном обороте источники.

Ключевые слова: российско-японские отношения, Центральная Азия, баланс сил, неоклассический реализм, избыточное уравнивание, Новый шелковый путь.

Введение

Дискуссии о влиянии восточноазиатских держав в Центральной Азии и различных проектах Нового шелкового пути, как правило, ставят во главу угла КНР ввиду растущего влияния Пекина в экономике и безопасности региона. Вместе с тем Япония сыграла важную роль в финансово-экономических, транспортных, а также внешнеполитических аспектах развития республик Центральной Азии после обретения ими независимости в 1991 г. и сохраняет определенный потенциал влияния на будущее этой части Евразии (активизация контактов Японии и стран

Центрально-Азиатского региона наблюдается, в частности в периоды пребывания у власти внешнеполитической команды премьер-министра Японии Абэ Синдзо¹).

Несмотря на свое относительно недавнее становление, отношения непосредственно между Японией и центральноазиатскими странами были достаточно подробно рассмотрены в русскоязычной, англоязычной и японоязычной научной литературе². Детально были проанализированы и соответствующие ключевые дипломатические инициативы Японии — «Евразийская дипломатия» 1997 г., «План действий Шелкового пути» 1998 г., диалог «Центральная Азия плюс Япония» 2004 г. и «Дуга свободы и процветания» 2006 г. с сопутствующей концепцией «Коридора мира и стабильности» [1]. Однако недостаточно проясненной остается роль российского фактора в разработке и реализации центральноазиатских стратегий Токио на различных этапах развития связей с данным регионом. В российских источниках действия Токио в Центральной Азии иногда ошибочно сводятся преимущественно к проведению внешнеполитических интересов США [2], зачастую трактуясь в терминах реалистской парадигмы международных отношений — как балансирование российского и китайского влияния в Центральной Азии в рамках «игры с нулевой суммой».

В данной статье мы считаем такое толкование японской дипломатии в Центральной Азии верным только частично. На наш взгляд, балансирование в духе «игры с нулевой суммой» соответствует, скорее, отдельным, пусть и заметным, этапам развития внешней политики Токио в регионе, которые, как будет изложено ниже, более корректно охарактеризовать в терминах неоклассического реализма — как чрезмерное, или излишнее, балансирование (англ. *overbalancing*, дословно — «перебалансирование»). И самое главное, ограничительное толкование токийской дипломатии Шелкового пути, сводящее ее к балансированию влияния России и Китая, обедняло бы ее понимание, поскольку не отражало бы изменений, которые эта дипломатия претерпела за два с лишним десятилетия своего существования — например, постепенную смену позиции Токио в сторону увеличения сотрудничества и снижения соперничества с Москвой, — а также причин таковых изменений. Анализу различных вех развития внешнеполитического курса Токио в Центральной Азии с учетом российского фактора и посвящена данная статья. Она ставит своей целью заполнить вышеупомянутые пробелы и отразить такие нюансы, как изменение дипломатических приоритетов применительно к центральноазиатскому региону во внешнеполитических ведомствах японских правительств. Работа также вводит в русскоязычный научный оборот ранее не использовавшиеся в нем первичные и вторичные англоязычные и японоязычные источники, напрямую относящиеся к японским лицам, принимавшим решения: дипломатическую переписку, интервью и интерпретации дипломатических концепций *post factum* их же авторами или причастными к их разработке должностными лицами. В работе используется хронологический подход к анализу темы, однако особый упор

¹ В соответствии с нормами российского и международного востоковедения восточноазиатские имена пишутся следующим образом: сначала фамилия, потом имя. Японские имена не склоняются.

² См., например, работы таких авторов, как Тимур Дадабаев, Ольга Добринская, Ёнэда Хирочи, Кавато Акио, Касиваги Сигэо, Китамура Тосихару, Магосаки Укэру, Николай Мурашкин, Мирзохид Рахимов, Симоясиро Манабу, Тида Тэцуро, Валижон Хошимов, Эсен Усубалиев, Уяма Томохико, Юаса Такэси и др.

при этом делается на кабинеты министров, возглавлявшиеся Абэ Синдзо в 2006–2007 гг. и с 2012 г. по настоящее время, а также его предшественником Коидзуми Дзюнъитиро в 2001–2006 гг. Такая расстановка приоритетов вызвана тем, что на периоды правления С. Абэ и Дз. Коидзуми пришлось серьезные изменения японского внешнеполитического курса в Центральной Азии по отношению к России.

Ранние этапы развития отношений: 1990-е годы и «Евразийская дипломатия»

Уже на ранних этапах развития связей между Японией и постсоветскими республиками Центральной Азии Россия фигурировала как один из значимых факторов в ряде областей: от энергетики до территориального вопроса. Так, М. Рахимов и Т. Юаса отмечали важную роль России в развитии Японией энергетических связей с государствами Евразии, в частности в плане создания режима технологического сотрудничества для мирного использования атомной энергии [3; 4]. А согласно японскому исследователю Т. Уяма, в 1990-е годы отдельные политики в Токио поверили — основываясь на несколько нереалистичных ожиданиях — в обещания, например, Бишкека в президентство А. Акаева задействовать свои связи с Москвой в качестве посредника в разрешении курильской проблемы в обмен на экономическое сотрудничество Японии с Киргизской Республикой [5]. Важность данного эпизода не стоит переоценивать, поскольку определяющего влияния на развитие отношений он не оказал, но тем не менее проиллюстрировал присутствие России как фактора в выстраивании Токио отношений с новыми независимыми государствами Центральной Азии.

Вместе с тем конкретно в ресурсно-энергетической отрасли разница интересов наблюдалась, хотя острота конкуренции была явно умеренной. В условиях крайне высокой зависимости Японии от импорта энергоресурсов, японские корпорации, особенно Itochu и INPEX, были заинтересованы в разработке месторождений углеводородов получивших независимость каспийских стран (Казахстана, Туркменистана и Азербайджана) и, соответственно, развитию экспортных трубопроводов для их транспортировки. Важнейшими проектами в этой области стали: 1) оставшийся в 1990-х годах «на бумаге» из-за экономической нецелесообразности японо-китайский замысел трубопровода «Энергетический Шелковый путь» для транспортировки газа из Казахстана и Туркменики через КНР в Южную Корею и Японию; 2) консорциум CentGas, трансформировавшийся впоследствии в проект ТАПИ (Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия), и 3) трубопровод Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД).

Второй и третий проекты долгое время являлись проблемой для Москвы, поскольку их маршруты планировались в обход российской территории, причем при поддержке Вашингтона. Мотивы для японского участия в этих проектах заключались прежде всего в прагматизме (извлечении прибыли) и необходимости обеспечения энергетической безопасности Японии. Вместе с тем часть японских официальных лиц, занимавшихся в 1990-е и начале 2000-х годов финансовой поддержкой экономического развития переходных экономик новых независимых государств Центральной Азии, считала одной из ключевых проблем региона отсутствие выхода к морю и значительную на тот момент зависимость от российской транспорт-

ной и энергетической инфраструктуры. В связи с этим японские должностные лица в Токио и Азиатский банк развития (АБР) поддерживали диверсификацию инфраструктуры, связывавшей регион с внешним миром, включая трубопроводы. При этом нельзя сказать, что Токио нарочно предпочитал маршруты, вызывавшие нарекания в Москве. Например, для японских компаний были бы предпочтительны коридоры, проходящие через Иран, с которым у Японии давно развито экономическое сотрудничество. Однако санкции против Ирана и проблемы американо-иранских отношений неоднократно препятствовали как развитию японо-иранских нефтегазовых проектов, так и вступлению Ирана в Азиатский банк развития, который мог бы способствовать развитию евразийских коридоров, включающих Иран.

На практике из вышеупомянутых трубопроводных проектов к данному моменту реализован БТД. Что касается крупных нефтегазовых *добывающих* консорциумов с японским участием в регионе, то помимо являющейся базой для БТД группы азербайджанских месторождений Азери—Чираг—Гюнешли следует отметить также участие INPEX в казахстанском Северо-Каспийском проекте с перспективой использования механизмов «своп». Вместе с тем из-за сохраняющихся трудностей с прямой доставкой центральноазиатских углеводородов в Японию, корректировки оценки запасов в сторону понижения в конце 2000-х годов и специфики инвестиционного климата региона вовлеченность японских компаний в добычу остается низкой, а в случае с Туркменистаном и Узбекистаном упор делается на экспорт Японией перерабатывающих технологий в сегменте более высокой добавленной стоимости. Из-за сохраняющихся рисков в области безопасности проект ТАПИ продолжает буксовать, хотя АБР все еще его поддерживает. Таким образом, конкретно между Токио и Москвой судьба центральноазиатских углеводородов серьезным камнем преткновения не стала.

Первой вехой японской дипломатии в регионе была «Евразийская дипломатия со стороны Тихого океана» (1997–2001), провозглашенная премьер-министром Хасимото Рютаро и охватывавшая Россию, Китай, пять центральноазиатских и три закавказских республики, в совокупности обозначенные в речи Хасимото 1997 г. как «страны Шелкового пути» [6]. Страны «региона Шелкового пути» в программных документах японских политиков и в целом в японском дипломатическом дискурсе появились впервые.

Однако основной упор в правление Хасимото и его преемников Обути Кэйдзо (1998–2000) и Мори Ёсиро (2000–2001) в рамках этой дипломатии делался прежде всего на нормализацию отношений с Россией, как можно видеть из работ Того Кадзухико — одного из дипломатов так называемой российской школы японского МИДа того времени, имевшего непосредственное отношение к разработке этого курса. Увязка между выстраиванием Японией связей с постсоветской Центральной Азией и российско-японскими отношениями напрямую не проводилась [7].

Середина «нулевых»: избыточное балансирование?

Вскоре после прихода к власти премьер-министра Коидзуми Дзюнъитиро (апрель 2001 г.) геополитическая ситуация в Центральной Азии резко изменилась вследствие терактов 11 сентября 2001 г. и последовавшего начала военной операции Международных сил содействия безопасности под эгидой НАТО в Афганиста-

не. Правление Коидзуми было отмечено несколькими значимыми внешнеполитическими инициативами Токио в отношении Центрально-Азиатского региона.

Во-первых, Коидзуми стал оказывать активную поддержку США в Афганистане в рамках двустороннего сотрудничества в области безопасности, а дипломатия Японии в Центральной Азии подверглась частичной «секьюритизации» — акцентированию аспектов безопасности в областях сотрудничества, напрямую до того к сфере безопасности не относившихся (например финансовое содействие развитию транспортной инфраструктуры). Во-вторых, глава японского МИД Кавагути Ёрико выступила с инициативой диалога «Центральная Азия плюс Япония». В-третьих, в конце правления Коидзуми и начале мандата его преемника Абэ японский МИД стал продвигать «ценностно-ориентированную дипломатию» (*катикан-гайко*). Остановимся поподробнее на второй и третьей из вышеобозначенных инициатив, ибо именно они имеют непосредственное отношение к теме данной статьи.

Основной площадкой для обсуждения проблем многосторонних отношений Токио с Центрально-Азиатским регионом является диалог «Центральная Азия плюс Япония», включающий в себя как регулярные встречи на уровне министров и старших должностных лиц, так и работу экспертного сообщества. Этот формат был инициирован в 2004 г. тогдашней главой японского МИД Ё. Кавагути после совещания с японским чиновником Танака Тэцудзи, предложившим применить существовавший формат взаимодействия Японии со странами Юго-Восточной Азии к странам Центральной Азии. При этом, по словам Кавагути, инициатива не имела прямого отношения к «Евразийской дипломатии» Р. Хасимото и отличалась от последней большим вниманием к Китаю, чем к России³. По свидетельствам японских должностных лиц, при всей инновационности формата (США в 2015 г. скопировали эту модель взаимодействия с Центральной Азией в виде формата C5+1), диалог «Центральная Азия плюс Япония» стал в большей степени зонтичным, рамочным и скорее формальным мероприятием, нежели дипломатическим институтом с самостоятельной повесткой. Тем не менее, согласно дипломатическим документам США, опубликованным «Викиликс», вышеупомянутый диалог использовался Японией в середине 2000-х годов как минимум один раз для попыток уравнивания роста влияния России и Китая в Центральной Азии:

Контакты в МИД подтвердили, что совещание [«Центральная Азия плюс Япония» 5 июня 2006 г.] было приурочено к тому, чтобы отвлечь внимание от состоявшейся в Шанхае в конце июня встречи Шанхайской организации сотрудничества, организованной Китаем и Россией. <...> [Директор отдела МИД по Центральной Азии и Кавказу Хидэки] Уяма признал, что время совещания, которое состоялось менее чем за две недели до того, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) проводила встречу в Шанхае, было выбрано для противодействия китайскому и российскому влиянию на страны Центральной Азии. Аналогичным образом выступление министра иностранных дел Асо по политике Японии в отношении Центральной Азии, прошедшее 1 июня в Национальном пресс-клубе Японии, было сориентировано по времени для перехвата влияния Китая и России, заявил Уяма [8].

В рамках же «ценностно-ориентированной дипломатии» глава МИДа Асо Таро и высокопоставленные дипломаты Яти Сётаро и Канэхара Нобукацу в середине

³ Интервью автора с Ёрико Кавагути, ноябрь 2013 г.

2000-х выдвинули идеи «Дуги свободы и процветания» (*дзию то хангэй но ко*) и «Коридора мира и стабильности» (*хэйва то антэй но кайро*). «Дуга» и «Коридор» предполагали усиление содействия демократизации и экономическому развитию нестабильных стран различных евразийских субрегионов, включая и Центральную Азию, в том числе на основе укрепления сотрудничества с НАТО.

Хотя концепции не были воплощены на практике по ряду причин, включая японские внутривнутриполитические факторы, они вызвали критику и обеспокоенность в Москве и Пекине [9–11]. Там японские идеи были восприняты как меры по окружению Китая и сдерживанию влияния России, на тот момент активно взаимодействовавших в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Такая оценка действий Токио среди российских дипломатов сохранялась и по прошествии нескольких лет после фактической заморозки концепции «Дуги» кабинетами Демократической партии Японии в 2009 г., желавшими наладить отношения с Россией и, особенно, с Китаем⁴. По словам одного из сотрудников МИД РФ, Япония в конечном итоге поняла, что не в состоянии балансировать российское влияние в Центральной Азии, и прекратила эти попытки⁵. Вместе с тем эта оценка была дана в ходе изменения японской внешней политики в Центральной Азии в сторону «стабилизации» и, предполагая преемственность курса, могла недостаточно учитывать воздействие партийного фактора.

В свою очередь в Японии мнения различных экспертов в отношении ШОС колебались от критических, например, высказанных главным редактором правоконсервативной газеты «Санкэй Симбун» Сайто Цутому, до призывов к сотрудничеству Японии с ШОС вплоть до получения уровня государства со статусом наблюдателя — эта идея высказывалась, в частности, ученым Хоккайдского университета Ивасита Акихиро [12; 13]. Критики ШОС в Японии подозревали эту международную организацию в продвижении так называемого закрытого регионализма в Центральной Азии в ущерб идее открытого регионализма, высказывавшейся Японией.

Как уже отмечалось ранее, сами по себе вышеописанные японские дипломатические инициативы 2000-х известны экспертному и научному сообществу, однако интерпретации их в сугубо «антироссийском» ключе были бы неполными и ошибочными, о чем свидетельствуют опубликованные впоследствии материалы. Так, американская дипломатическая корреспонденция показывает, что Токио мог некорректно трактовать намерения Вашингтона в Центральной Азии с точки зрения «игры с нулевой суммой», а Вашингтон в свою очередь не разделял такого видения ситуации:

...возможность обсудить программы содействия развитию в Центральной Азии с представителями [японского правительства] была чрезвычайно полезной. Все участники согласились с тем, что дальнейшие такие проекты могут многое принести и что необходимо предпринять усилия для расширения сотрудничества между донорами. Помощник заместителя госсекретаря Фейгенбаум подчеркивал, что, хотя какая-то конкуренция между внешними державами неизбежно будет, основной стратегической целью сотрудничества США и Японии не является «конкуренция» с Россией или Китаем ради

⁴ Некоторое смягчение позиции Токио по концепции «Дуги» началось уже в правление премьера первого срока Абэ — Фукуда Ясуо (2007–2008), считавшегося «голубем», а не «ястребом» по отношению к КНР.

⁵ Сообщено автору в частной беседе в апреле 2012 г.

себя самой <...>. Неясно, полностью ли согласны с этим японцы, которые все еще склонны рассматривать регион через традиционную призму «Большой игры», делающую упор как на Россию, так и на Китай [14].

Далее, один из советников Абэ, имевший отношение к разработке «Дуги свободы и процветания», — Танигути Томохико, впоследствии отметил, что «Дуга» не замышлялась как антитезис нарождающемуся китайско-российскому тандему. По словам Танигути, «Дуга» была не самоцелью, а инструментом, преследовавшим несколько целей. Во-первых, это было одной из первых попыток Японии создать бренд, привлекающий международное внимание к приверженности Токио демократическим ценностям. Во-вторых, Танигути видел «Дугу» как попытку привлечь Москву за стол переговоров по территориальному вопросу путем демонстрации возможностей политического влияния Японии в Центральной Азии. В-третьих, согласно Танигути, при этом параллельным намерением панъевразийской по размаху инициативы «Дуги» являлось обогащение дипломатического капитала США как союзника Японии в регионах типа Восточной Европы, критически важных для глобальной стратегии США [15].

Один из авторов концепции «Дуги», Яти Сётаро, опроверг приписываемые проекту Японии замыслы окружить КНР или Россию. По словам Яти, очевидно, что Япония не имела ни подобных целей, ни возможностей их реализовать, а «ценностно-ориентированная дипломатия» во многом являлась ответом на запрос восточноевропейских стран на усиление сотрудничества с Японией, наталкивающийся на ограниченные внешнеполитические возможности Токио⁶. «Окруженной» же, по мнению Яти, следует считать, скорее, саму Центральную Азию, зажатую между несколькими великими державами.

Ограниченность возможностей Японии в Центральной Азии обуславливается очевидными объективными факторами: большей удаленностью и менее тесными политико-экономическими связями с регионом, чем у РФ или КНР, а также «многовекторной» дипломатией, проводимой самими странами Центральной Азии [16]. Конкретным примером здесь может служить нерегулярность использования Токио своего положения крупного финансового донора региона. Ввиду нацеленности на вовлечение максимального количества внешних игроков в регион и «заигрывания» одних против других, многовекторность демпфирует возможность оказания внешнего давления.

Так, в 1990-е годы выгодным преимуществом Японии как финансового спонсора развития региона была меньшая, по сравнению с западноевропейскими и североамериканскими странами, требовательность в выделении средств центральноазиатским реципиентам. Напротив, в 2000-е в этой же нише активно начали выступать новые доноры, ставшие конкурентами Токио — например, Пекин и Сеул, тогда как доходы от сырьевого бума параллельно улучшили финансовое положение самих центральноазиатских заемщиков и реципиентов, приведя в частности к увеличению потребностей в прямых инвестициях, а не финансовой помощи — к чему японские организации относились настороженно. На протяжении 2000-х годов Токио пересматривал условия выдачи ОПР (официальной помощи развитию) в сторону сокращения ассигнований и более тщательного контроля за

⁶ Интервью автора с Яти Сётаро, апрель 2012 г.

их использованием, с тем чтобы выделяемые средства способствовали улучшению уровня жизни конечных адресатов — различных групп населения — а не оседали в патронажных сетях коррумпированных чиновников. В этих условиях роль финансовой помощи как внешнеполитического рычага сократилась. Кроме того, по словам японских должностных лиц, в правительственных кругах Узбекистана на рубеже 2000-х и 2010-х годов усилилось восприятие Японии как доступного источника финансирования, выражавшееся, например, в том, что сотрудникам посольства, отвечающим за выделение помощи развитию, было легче получить аудиенцию в правительстве страны пребывания, чем их более старшим коллегам вплоть до уровня посла. При этом такая важность Токио как донора автоматически не конвертировалась в возможность влиять на получателей ОПР. Так, если верить дипломатическим документам США, Япония в 2005 г., в премьерство Коидзуми, временно сократила финансовую помощь Узбекистану после событий в Андижане в целях содействия демократизации, улучшению ситуации с правами человека, при этом в дипломатических кругах Токио на тот момент надеялись, что Ташкент сможет лучше сопротивляться усилиям по затягиванию в российский блок [17]⁷. Вместе с тем реакция Токио на Андижан в самом Ташкенте вызвала прежде всего неприятие и к немедленному изменению политики не привела, в том числе ввиду появившихся альтернативных источников финансовой помощи. Более того, несколько лет спустя, в 2008–2011 гг., администрация президента США Барака Обамы восстановила отношения США с Узбекистаном, невзирая на проблемы с демократией и правами человека, как с важным для снабжения МССБ перспективным логистическим партнером, альтернативным Пакистану. В это же время вернулись на предыдущий уровень и отношения Токио с Ташкентом.

Наконец, действия Токио по спорадическому балансированию влияния России (и Китая) в Центральной Азии в середине 2000-х годов сочетались с прагматичной экономической политикой по отношению к России. Именно в правление Коидзуми и при непосредственном участии его правительств Япония поддержала создание трубопроводной системы «Восточная Сибирь — Тихий Океан», а японские корпорации стали активно инвестировать в размещение производств в российских регионах на волне экономического подъема первого десятилетия XXI в. Некоторым контрастом на этом фоне, впрочем, выглядело затягивание Японией вместе с США — ключевыми акционерами Азиатского банка развития — рассмотрения заявки России на вступление в АБР в 2007 г. Токио тогда в итоге солидаризировался с Вашингтоном, который сначала поддерживал российскую заявку в АБР, а затем выдвинул в качестве предварительного условия требование по списанию долгов правительствам Ирака и Афганистана. Согласно комментариям МИД РФ, Токио беспокоило потенциальное изменение расклада сил внутри банка, связанное со вступлением России, а также намерение Москвы вступить в банк в качестве регионального члена, что гипотетически позволяло претендовать на кредитные ресурсы банка и бороться за пост президента банка [18; 19]. Если верить бывшим должност-

---

⁷ Позиции таких ключевых японских министерств, как МИД, Минфин и Министерство экономики, торговли и промышленности (МЭТИ), могли не совпадать по этому вопросу, в связи с этим крайне важно учитывать возможную фракционность внутри японских правительственных кругов, не истолковывая отдельные дипломатические инициативы как следствие некоего «монолитного», единогласного консенсуса.

ным лицам японского Минфина, то к мотивации Токио на тот момент добавлялась еще и настороженность в отношении последствий от возможного вступления России в АБР для политики банка не только в отношении Афганистана, но и постсоветской Центральной Азии в целом. Вместе с тем в рамках данного исследования отсутствовала возможность найти подтверждения систематического согласования позиций японского МИД и Минфина — исторически часто разнявшихся — в отношении заявки России на вступление в АБР и «российского фактора» в Центральной Азии.

Кроме того, С. Яти во второй половине 2000-х годов (кабинеты Коидзуми, Абэ, Фукуда и Асо), а также позднее, в середине 2010-х, предпринял попытки миниразрядок с Пекином и нормализации отношений Токио с Москвой, допустив возможность компромисса по территориальному вопросу. Став одним из ключевых внешнеполитических советников Абэ по внешней политике и национальной безопасности после возвращения того к власти в 2012 г., Яти придерживался политики улучшения российско-японских отношений, включая частичное смягчение ортодоксальной позиции Токио по территориальному вопросу, выразившееся в так называемом новом подходе Абэ⁸. В совокупности эти нюансы показывают, что хотя отдельные японские внешнеполитические концепции и содержали элементы критической настроенности к России, эти элементы не получили широкого развития и терялись на фоне крупных и действительно реализованных проектов российско-японского экономического сотрудничества.

2010-е: прагматизм одерживает верх?

После возвращения С. Абэ к власти в 2012 г. контакты с Центральной Азией активизировались, при этом в японо-российских отношениях это не вызвало никаких трений, более того, в этот период велись даже дискуссии вокруг возможного сотрудничества Японии и России в области безопасности в регионе, в частности совместного укрепления границ Таджикистана для борьбы с трансграничной преступностью и сопутствующими угрозами [21]. Стремления второго кабинета Абэ развивать связи с Центральной Азией были явно выражены: только за первые три года его работы регион посетило больше японских официальных лиц, чем за все предыдущее десятилетие. В 2015 г. Абэ совершил беспрецедентное для японских премьер-министров турне по всем пяти республикам Центральной Азии, в ходе которого были заключены контракты на общую сумму свыше 27 млрд долл. США. Хотя в ходе поездки Абэ снова использовал риторику призывов к «открытому регионализму», на этот раз этот дискурс был скорее направлен в сторону Пекина, поскольку в ходе второго премьерства Абэ японская дипломатия стала избегать

---

⁸ Так, в ходе второго премьерства Абэ Токио активно включился в обсуждение и практическую имплементацию идеи совместной хозяйственной деятельности на оспариваемых Японией Южно-Курильских островах. Напротив, десятилетием ранее Токио настороженно относился даже к обсуждению перспектив такой деятельности. Вместе с тем Т. Асо и С. Яти и ранее показывали неортодоксальный подход к территориальному вопросу: оба — Асо в 2006-м, а Яти в 2009-м — предлагали смягчить японские территориальные требования. Однако такой отход от позиции японского МИД, заключающейся в претензиях на получение всех четырех спорных островов как предварительного условия заключения мирного договора, оба раза провоцировал критику в японских политических кругах и в итоге сопровождался дезавуированием в обоих случаях. См., например: [20].

прямого оспаривания влияния России в регионе. Напротив, представители Японской организации содействия развитию внешней торговли отмечали развитие Таможенного союза в Евразии — важной экономической интеграционной инициативы Москвы — как потенциально выгодную коммерческую возможность для японских автопроизводителей [22]. Единственной линией конкуренции между Россией и Японией в Центральной Азии могло бы стать важное политически, но преимущественно коммерческое по сути соперничество за подряды на строительство первой АЭС в Казахстане. Однако на данный момент этот проект стоит под вопросом по внутривнутриполитическим причинам, относящимся прежде всего к ведению Астаны, а не Москвы или Токио.

С высокой долей вероятности, причиной потепления отношения Токио к российскому влиянию в Центральной Азии является озабоченность продолжающимся ростом влияния Китая и нежеланием портить связи с Москвой на этом фоне — это поставило бы Японию в невыгодное для нее положение антагониста одновременно обоих крупных соседей по Евразии. Кроме того, активное продвижение вторым кабинетом Абэ идей открытого регионализма (например, концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона») в странах, чья зависимость от КНР растет, значительно серьезнее акцентуировано в жизненно важных для японской экономики регионах Юго-Восточной и Южной Азии (а не Центральной) и при этом меньше сопрягается с идеологическими аспектами американской политики распространения демократии, чем при Коидзуми. Наконец, в Токио снизилось беспокойство по поводу интеграционных проектов, развиваемых Москвой в Евразии — как ШОС, так и Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Еще одной причиной изменения отношения Токио к российской политике в Центральной Азии, на которую следует обратить внимание, является эволюция взглядов части японского истеблишмента. Так, руководство внешнеполитической команды второго кабинета Абэ (с 2012 г. по настоящее время) во многом состоит из кадров, работавших с Коидзуми и Абэ в середине 2000-х годов и разрабатывавших такие концепты, как «Дуга свободы и процветания», включая вышеупомянутых дипломатов и советников С. Яти, Н. Канэхара и Т. Танигути. При этом одной из главных дипломатических инициатив второго мандата Абэ стала активная и последовательная линия на поиски путей нормализации отношений с Россией, ставящая во главу угла прагматичное сотрудничество. Например, в ходе программной речи перед парламентом в 2018 г. Абэ назвал отношения с Россией «двусторонними связями, таящими наибольший потенциал» — подобных заявлений не делал ни один из его предшественников; эта риторика вошла и в основной концептуальный документ МИД Японии — Синюю книгу по дипломатии [23].

Соответственно, и попытки балансировать рост влияния России и Китая при Коидзуми в середине 2000-х, и попытки нормализовать отношения с Россией и одновременно активизировать связи с Центральной Азией, воздерживаясь от соперничества с Россией в регионе, в ходе второго премьерства Абэ в середине 2010-х продвигала во многом одна и та же японская внешнеполитическая команда — во всяком случае, ее старший состав. Это позволяет предполагать, что среди причин смягчения позиции Токио в отношении российского влияния в Центральной Азии целесообразно рассматривать не только эволюцию приоритетов японской национальной безопасности, где рост могущества КНР окончательно утвердился как

один из основных новых вызовов, но и эволюцию взглядов конкретных должностных лиц. Вместе с тем для детальной проработки этой гипотезы потребуется отдельное исследование.

Заключение

В данной статье были рассмотрены ключевые эпизоды смены японского внешнеполитического курса в Центральной Азии по отношению к России. Как показало исследование, эта дипломатическая линия Токио претерпела несколько критических изменений за прошедшие два десятилетия. «Евразийская дипломатия» конца 1990-х премьеров Хасимото, Обути и Мори ставила во главу угла нормализацию отношений с Россией. Центральноазиатские внешнеполитические инициативы японского МИД при премьер-министре Коидзуми в середине 2000-х, напротив, эпизодически акцентировали намерения косвенно уравновесить рост влияния России и КНР в Центральной Азии, хотя при этом собственно японская политика в отношении непосредственно России была нацелена на активное развитие двусторонних отношений в области инвестиций и энергетики. Вместе с тем, как показывает анализ исследованных в работе источников, японские дипломатические инициативы того времени в Центральной Азии не столько ставили своей целью изменение баланса сил в регионе, сколько являлись средством для определенного развития отношений Японии с Россией, США, а также странами Восточной Европы, и при этом самим Вашингтоном полностью приняты не были, если верить имеющимся в открытом доступе дипломатическим документам. Дипломатия кабинетов Демократической партии Японии (2009–2012) от каких-либо попыток балансирования в Центральной Азии отказалась. Наконец, в ходе второго премьерства Абэ его внешнеполитическая команда, включавшая авторов вышеупомянутых идей балансирования, проводила, с одной стороны, активизацию японской внешней политики в Центральной Азии с изменением приоритетов в сторону прагматичного экономического сотрудничества и, с другой стороны, линию на улучшение отношений с Россией без каких-либо открытых попыток соперничества в Центральной Азии, напротив, с предложениями функционального сотрудничества в регионе. Наблюдаемая смена акцентов в отношении России в центральноазиатской дипломатии Японии, по мнению автора, объясняется изменением приоритетов — в частности, политики Токио по отношению к Пекину — и эволюцией японского стратегического мышления в отношении России.

Литература

1. Speech by Asō Tarō, Minister for Foreign Affairs at the Japan National Press Club, “Central Asia as a Corridor of Peace and Stability”. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html> (дата обращения: 11.07.2015).
2. Князев А. Большая игра в Центральной Азии идет с переменным успехом // Независимая газета. 2015. 16 ноября. URL: http://www.ng.ru/courier/2015-11-16/11_game.html (дата обращения: 20.11.2015).
3. Yuasa T. Central Asia in the context of Japanese — Russian relations // China and Eurasia Forum Quarterly. 2010. Vol. 8 (2). P. 119–135.
4. Rakhimov M. Central Asia and Japan: Bilateral and multilateral relations // Journal of Eurasian Studies. 2014. Vol. 5. P. 77–87.

5. *Uyama T.* Japanese Policies in Relation to Kazakhstan: Is There a 'Strategy'? // *Thinking Strategically: The Major Powers, Kazakhstan, and the Central Asian Nexus* / ed. Robert Legvold. Cambridge, MA: American Academy of Arts and Sciences MIT Press, 2003. P. 165–186.

6. *Того К.* Нихон но юра:сиа гайко: (1997–2001) [Евразийская дипломатия Японии (1997–2001)] // *nippon.com*. URL: <https://www.nippon.com/ja/features/c00205/> (дата обращения: 05.08.2018).

7. Address by Prime Minister Hashimoto Ryūtarō to the Japan Association of Corporate Executives, 24 July 1997. URL: <http://japan.kantei.go.jp/0731douyukai.html> (дата обращения: 28.03.2014).

8. 06TOKYO3193. Foreign Ministers Release “Action Plan” At Central Asia Plus Japan Dialogue, U.S. Embassy in Tokyo. URL: <http://cables.mrkva.eu/cable.php?id=67325> (дата обращения: 31.03.2014).

9. Ко:мура гаймудайзин но росиа хо:мон (кэкка гайё:) [Визит министра иностранных дел Комура в Россию (обзор результатов)], 2008. URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/kaidan/g_komura/russia_08/kg.html (дата обращения: 09.03.2016).

10. Ответы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на вопросы информационного японского агентства «Дзи-Дзи Пресс», 17.10.2007. URL: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/360440 (дата обращения: 01.10.2018).

11. *Zhao Q.* Japan's Diplomacy in Central Asia // *China International Studies*. 2009. N 17, July/August. P. 157–170.

12. *Yuldasheva N.* Kyrgyzstan should leave SCO, Tsutomu Saito says // *News Agency 24.kg*. URL: <http://eng.24.kg/politic/2008/03/04/4781.html> (дата обращения: 20.05.2010).

13. *Iwashita A.* The Shanghai Cooperation Organization and Japan — Moving Together to Reshape the Eurasian Community // *Iwashita A. (ed.) Toward a New Dialogue on Eurasia: The Shanghai Cooperation Organization and Its Partners*. Sapporo: Slavic Research Center, 2007. P. 21–26.

14. 06TOKYO7164. U.S.-Japan Central Asia Dialogue: Part Two, Foreign Assistance And Project Finance, U.S. Embassy in Tokyo. URL: <http://cables.mrkva.eu/cable.php?id=91030> (дата обращения: 30.10.2015).

15. *Taniguchi T.* Beyond “The Arc of Freedom and Prosperity”: Debating Universal Values in Japanese Grand Strategy. Washington, DC: The German Marshall Fund of the United States Asia Paper Series, 2010. 9 p.

16. *Казанцев А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: Наследие Евразии, 2008. 241 с.

17. 06TOKYO2992, A/S Boucher's May 30 Meeting with European DDG Yagi on Central Asia, 31.05.2006. URL: <http://cables.mrkva.eu/cable.php?id=66130> (дата обращения: 15.04.2014).

18. Интервью директора Департамента экономического сотрудничества МИД России А. Л. Кондакова по проблематике региональных финансовых структур, опубликованное в газете «Время новостей» 24 апреля 2007 г. URL: http://www.mid.ru/aziatskij-bank-razvitia-azbr/-/asset_publisher/KrRBY5EMiHC1/content/id/375488 (дата обращения: 15.08.2018).

19. Комментарий официального представителя МИД России М. Л. Камынина в связи с вопросом СМИ относительно основных результатов участия российской делегации в ежегодной сессии совета управляющих Азиатского банка развития, 10 мая 2007 г. URL: http://www.mid.ru/aziatskij-bank-razvitia-azbr/-/asset_publisher/KrRBY5EMiHC1/content/id/373900 (дата обращения: 15.08.2018).

20. *Головнин В.* Японцы не поделили между собой Курилы // *Коммерсант*. 2009. 20 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1158280> (дата обращения: 15.08.2018).

21. Japan, Russia to help tighten Central Asian borders // *Nikkei Asian Review*, 12.02.2014. URL: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Japan-Russia-to-help-tighten-Central-Asian-borders> (дата обращения: 15.04.2014).

22. *Симоясиро М.* «Кандзэй до:мэй га дзидо:ся сэйсан но оикадзэ ни» [Таможенный Союз как попутный ветер для автомобилестроения] // *JETRO Sensā*. Июнь 2011. URL: <https://www.jetro.go.jp/publications/sensor/4de7499beffd8.html> (дата обращения: 15.08.2018).

23. Гайко: сэйсё [Синяя книга по дипломатии]. МИД Японии 2018 г. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/index.html> (дата обращения: 20.06.2018).

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2018 г.

Статья рекомендована в печать 1 октября 2018 г.

Контактная информация:

Мурашкин Николай Юрьевич — PhD, приглашенный исследователь;
nikolay.murashkin@gmail.com

Evolution of the 'Russian factor' in Japanese foreign policy in Central Asia

N. Yu. Murashkin

Griffith Asia Institute, Griffith University,
170, Kessels Road, Nathan QLD 4111, Australia

For citation: Murashkin N. Yu. Evolution of the 'Russian factor' in Japanese foreign policy in Central Asia. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2018, vol. 11, issue 4, pp. 362–375. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.403> (In Russian)

The article offers a nuanced analysis of several milestones in the evolution of Japan's foreign policy in post-Soviet Central Asia, focusing in particular on Russia's role and place in Tokyo's diplomatic strategy in the region. It aims to fill gaps in understanding what the driving forces behind this foreign policy are and to reflect such nuances as the changes in Japan's diplomatic priorities in relation to Central Asia in Tokyo's foreign policy community. The work introduces a number of primary and secondary sources into the Russian-language academic literature on the matter that were previously unused or used insufficiently, in the English and Japanese languages. The article challenges the idea of reducing Japan's foreign policy in Central Asia to only passing the U.S. foreign policy interest and interpreting it as balancing Russia's influence on Central Asia within the 'zero-sum-game'. According to the author, such balancing corresponds to individual, if notable, episodes in Tokyo's foreign policy in the region, which are more accurately described in terms of neoclassical realism as overbalancing. A restrictive interpretation of Tokyo's Silk Road Diplomacy as balancing the influence of Russia and/or China would also be static since it would not reflect the changes that this diplomacy went through over the two decades of its existence — for example, a gradual change in the position of Tokyo toward increased cooperation and decreased competition, as well as the reasons for these changes. The article is dedicated to the analysis of various milestones in the development of Tokyo's foreign policy in Central Asia while considering the 'Russian factor'.

Keywords: Japan-Russia relations, Central Asia, balance of powers, neoclassical realism, overbalancing, the New Silk Road.

References

1. Tarō A. "Central Asia as a Corridor of Peace and Stability," speech at the Japan National Press Club. Available at: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html> (accessed: 11.11.2015).
2. Knyazev A. Bol'shaia igra v Tsentral'noi Azii idet s peremennym uspekhom [The Great Game in Central Asia is taking place with a mixed success]. *Nezavisimaia gazeta*, 16/11/15. Available at: http://www.ng.ru/courier/2015-11-16/11_game.html (accessed: 20.11.15). (In Russian)
3. Yuasa T. Central Asia in the context of Japanese-Russian relations. *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2010, vol. 8 (2), pp. 119–135.
4. Rakhimov M. Central Asia and Japan: Bilateral and Multilateral Relations. *Journal of Eurasian Studies*, 2014, vol. 5, pp. 77–87.
5. Uyama T. Japanese Policies in Relation to Kazakhstan: Is There a 'Strategy'? *Thinking Strategically: The Major Powers, Kazakhstan, and the Central Asian Nexus*. Ed. by R. Legvold. Cambridge, MA, American Academy of Arts and Sciences, MIT Press, 2003, pp. 165–186.
6. Tōgō K. Nihon no yūrashia gaikō (1997–2001) [Japan's Eurasian Diplomacy (1997–2001)]. *Nippon.com*. Available at: <https://www.nippon.com/ja/features/c00205/> (accessed: 05.08.2018). (In Japan)
7. Address by Prime Minister Hashimoto Ryūtarō to the Japan Association of Corporate Executives, 24 July 1997. Available at: <http://japan.kantei.go.jp/0731douyukai.html> (accessed: 28.03.2014).
8. "Action Plan" At Central Asia Plus Japan Dialogue. Foreign Ministers Release, U.S. Embassy in Tokyo. Available at: <http://cables.mrkva.eu/cable.php?id=67325> (accessed: 31.03.2014).
9. Kōmura gaimudaijin no roshia hōmon (kekka gaiyō) [Foreign Minister Komura's visit to Russia (summary of results)], 2008. Available at: http://www.mofa.go.jp/mofaj/kaidan/g_komura/russia_08/kg.html (accessed: 09.03.2016). (In Japan)

10. *Otvety Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova na voprosy informatsionnogo iaponskogo agentstva «Dzi-Dzi Press»* [Foreign Minister S. V. Lavrov's responses to the questions of the Japanese agency Jiji Press], 17.10.2007. Available at: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/360440 (accessed: 01.10.2018).
11. Zhao Q. Japan's Diplomacy in Central Asia. *China International Studies*, 2009, no. 17, July/August, pp. 157–170.
12. Yuldasheva N. Kyrgyzstan should leave SCO, Tsutomu Saito says. *News Agency 24.kg*. Available at: <http://eng.24.kg/politic/2008/03/04/4781.html> (accessed: 20.05.2010).
13. Iwashita A. The Shanghai Cooperation Organization and Japan — Moving Together to Reshape the Eurasian Community. Iwashita A. (ed.) *Toward a New Dialogue on Eurasia: The Shanghai Cooperation Organization and Its Partner*. Sapporo, Slavic Research Center, 2007, pp. 21–26.
14. 06TOKYO7164. U.S.-Japan Central Asia Dialogue: Part Two, Foreign Assistance And Project Finance, U.S. Embassy in Tokyo. Available at: <http://cables.mrkva.eu/cable.php?id=91030> (accessed: 30.10.2015).
15. Taniguchi T. *Beyond “The Arc of Freedom and Prosperity”: Debating Universal Values in Japanese Grand Strategy*. Washington, DC, The German Marshall Fund of the United States Asia Paper Series, 2010. 9 p.
16. Kazantsev A. «Bol'shaia igra» s neizvestnymi pravilami: mirovaia politika i Tsentral'naia Azia [The Great Game with unknown rules: world politics and Central Asia]. Moscow, MGIMO University, 2008. 241 p. (In Russian)
17. 06TOKYO2992, A/S Boucher's May 30 Meeting with European DDG Yagi on Central Asia, 31.05.2006. Available at: <http://cables.mrkva.eu/cable.php?id=66130> (accessed: 15.04.2014).
18. *Interv'iu direktora Departamenta ekonomicheskogo sotrudnichestva MID Rossii A. L. Kondakova po problematike regional'nykh finansovykh struktur, opublikovannoe v gazete «Vremia novosti» 24 apreliia 2007 g.* [Interview of the director of the Ministry's Economic Cooperation Department A. L. Kondakov on the problems of regional financial institutions, published in the “Vremya Novosti” newspaper on April 24, 2007]. Available at: http://www.mid.ru/aziatskij-bank-razvitia-azbr/-/asset_publisher/KrRBY5EMiHC1/content/id/375488 (accessed: 15.08.2018). (In Russian)
19. *Kommentarii ofitsial'nogo predstavitelia MID Rossii M. L. Kamynina v sviazi s voprosom SMI otnositel'no osnovnykh rezul'tatov uchastiia rossiiskoi delegatsii v ezhegodnoi sessii sojeta upravliaiushchikh Aziatskogo banka razvitiia, 10 maia 2007 g.* [Comment by the Ministry's official representative M. L. Kamynin in connection with a question from the media regarding main results of the participation of the Russian delegation in the annual session of the Asian Development Bank's governors, 10.05.2007]. Available at: http://www.mid.ru/aziatskij-bank-razvitia-azbr/-/asset_publisher/KrRBY5EMiHC1/content/id/373900 (accessed: 15.08.2018).
20. Golovnin V. Iapontsy ne podelili mezhd u soboi Kurily [The Japanese disagree among themselves over dividing the Kurils]. *Kommersant*, 20.04.2009. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1158280> (accessed: 15.08.2018). (In Russian)
21. Japan, Russia to help tighten Central Asian borders. *Nikkei Asian Review*, 12.02.2014. Available at: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Japan-Russia-to-help-tighten-Central-Asian-borders> (accessed: 15.04.2014).
22. Shimoyashiro Manabu. “Kanzei dōmei ga jidōsha seisan no oikaze ni” [Customs Union as tailwind for car manufacturing], *JETRO Sensā*, June 2011. Available at: <https://www.jetro.go.jp/publications/sensor/4de7499beffd8.html> (accessed: 15.08.2018). (In Japan)
23. *Gaikō seisho* [Diplomatic Bluebook], 2018. Available at: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/index.html> (accessed: 20.06.2018). (In Japan)

Received: September 4, 2018

Accepted: October 1, 2018

Author's information:

Nikolay Yu. Murashkin — PhD, visiting fellow; nikolay.murashkin@gmail.com